

СЕКРЕТ ВНУТРЕННЕЙ СИЛЫ

В № 6 за этот год мы опубликовали материал, в котором известный американский спортсмен и актер Чак Норрис рассказывал о Брюсе Ли. После этого многие читатели обратились к нам с просьбой рассказать о самом Чаке Норрисе. Чак Норрис был победителем как национальных, так и мировых чемпионатов по так называемому «полупрофессиональному» каратэ, с 1968 года начал сниматься в кино, снялся в восемнадцати фильмах (наиболее известными из них — «Око за око» и три сарни фильма «Пропаший без вести»). Итак, Чак Норрис рассказывает о себе.

В моих жилах течет ирландская и индейская кровь. Русые волосы и светлую кожу я унаследовал от ирландских прадедов, а стоицизм перед лицом несчастья — от индейских. Этот стоицизм очень мне в жизни пригодился — я не из тех, кому хоть что-то дается легко. Даже появление на свет было делом непростым: моя мать Вильма во время родов чуть было не простилась с жизнью. Наконец, в первые часы 10 марта 1940 года появился я — синюшный младенец, который и дышать-то начал не в первую минуту. Мой отец Рэй, ожидавший этого момента в госпитале в Оклахома, так перенерничал, что тут же упал в обморок. Надо сказать, что таков был его способ решения жизненных проблем: как только надвигалась грубая действительность, он просто «выпадал» из жизни — записал.

Мальчишки, у которых нет перед глазами примера настоящего мужского поведения, вырастают обычно очень закомплексованными. Мой отец представлял собой пример, которому уж никак не стоило следовать. Но мама была такой заботливой и любящей,

что с лихвой окупала все недостатки отца. Она никогда не позволяла себе выглядеть расстроенной и синюшной: как бы плохо ни обстояли дела, как бы трудно ей ни было, она держалась. Она жила в полную силу, будто каждый день в ее жизни был последним, ни одной минуты она не тратила даром и ничто не могло ее сломить. Помню, как она приходила, измученная тяжелой работой в прачечной, и говорила, что мы на редкость удачливы, потому что многим людям живется еще хуже. Она никогда не говорила нам об оптимизме, о «положительном мышлении», как это модно стало называть нынче, однако ее собственного примера было достаточно, чтобы я правильно воспринимал окружающий мир. Я унаследовал мамин взгляд, и они стали основой того, что я назвал внутренней силой.

После школы мне хотелось стать полицейским, но я был слишком молод. Я высчитал, что если пойду служить в авиацию, то смогу попасть в военную полицию и на практике познакомиться с работой. В августе 1958 года я поступил на службу в во-

Чак НОРРИС,
американский киноактер

оруженные силы, нас отправили на базу военно-воздушных сил в штат Техас. Товарищ по казарме как-то спросил меня, какому английскому имени соответствует мое имя — Карлос. «Чарльз», — ответил я. «Тогда мы будем звать тебя Чаком», — сказал он.

В декабре я получил отпуск и жаждал на Диане, девушке, которую знал с детства. А потом меня перевели в Корею. Я, естественно, и подумать тогда не мог, что служба в Корее изменит всю мою жизнь.

Прибыв на базу, я обнаружил, что есть лишь четыре способа убить свободное время: 1) слоняться по казармам и играть в карты; 2) удариться в пьянство; 3) всерьез заняться самообразованием; 4) изучать какое-нибудь из восточных боевых искусств. Дзюдо было единственным видом, о котором я хоть что-то слышал, поэтому я и вступил в клуб дзюдо на нашей базе — до этого я никогда серьезно спортом не занимался, но считал, что приемы самообороны мне, как будущему полицейскому, очень даже пригодятся.

Через две недели тренировок я, к счастью или к несчастью, сломал руку. Карьеру дзюдониста пришлось прервать.

Как-то я бродил среди хижинок и убогих прилавков местного рынка. Всюду царил резкий аромат кимчи (капусты, приготовленной с чесноком). Дойдя до окраины деревни, я вдруг услышал пронзительные крики и увидел, как над пригорком то и дело выскакивают чьи-то головы. Я поднялся на холм посмотреть, что же там происходит. Несколько корейцев в белых кимоно подпрыгивали, демонстрируя эффектищнейшие удары ногами.

Вернувшись на базу, я спросил инструктора по дзюдо мистера Ана, не знает ли он, что это такое я видел. Он сказал, что это вид корейского каратэ — танг су до. Тогда и каратэ было для меня пустым звуком, однако я заинтересовался, не смогу ли я заняться каратэ, пока заживает моя травма. В те времена американцы еще не увлеклись восточными боевыми искусствами, к тому же мы имели репутацию людей, к ним неспособных. Но благодаря рекомендации мистера Ана меня взяли учеником.

У инструктора по танг су до мистера Шина было двадцать учеников, и курс сводился к одному: если ты хочешь овладеть искусством каратэ, ты им овладеешь — корейцы не углублялись в психологию обучения. Ученики были ко мне абсолютно равнодушны: как спортсмен я не представлял для

них интереса, потому я старался изо всех сил, чтобы сравняться с ними.

Рука моя еще не зажила, но поблажек никто не делал. К тому же я был явно не в лучшей физической форме, да и с координацией не все ладилось. Однако, думаю, именно низкий уровень физической подготовки и предопределил мои будущие успехи. И в дальнейшем я как тренер предпочитал спортсменов, изначально не обладающих из ряда вон выходящими данными: такие полны решимости работать. А те, у кого прекрасные способности, очень часто просто ленятся.

По вечерам тело так ныло и болело, что я мог спать только на спине. И все же, несмотря на боль и страшное напряжение, я сказал себе: «Если мне удастся стать настоящим каратэкой, я справлюсь с чем угодно». Я не ставил перед собой никакой определенной цели, например, стать обладателем черного пояса. И уж совсем не предполагал, что придет время, и каратэ станет главным делом моей жизни и что я стану чемпионом мира.

В 1962 году, после демобилизации, отчим помог мне получить место в архиве одной авиационной компании с зарплатой 320 долларов в месяц. У нас с Дианой родился первый сын, и денег хронически не хватало. Мой шеф, Агнес Дин, знала, что я мечтаю стать полицейским. Однако для того, чтобы сдать хотя бы первый экзамен на полицейского, надо было стоять в очереди целый год: кроме того, у меня был всего лишь диплом об окончании школы, и я должен был сдать экзамены по некоторым предметам в пределах программы колледжа, поэтому я тратил уйму времени на самостоятельные занятия. Агнес иногда позволяла мне и заниматься в рабочее время, и даже, если было мало работы, отлучаться, чтобы познакомиться с функционированием разных полицейских подразделений.

Возвращаясь к прошлому, я могу сказать, что в жизни часто приходится делать не то, что хочешь, а то, что вынужден. Однако это порой даже может быть и к лучшему. Попадая сразу на работу в полицию, я, может, и сейчас был бы полицейским!

Чтобы не забыть каратэ, я стал после работы давать уроки. Происходило это на заднем дворе в доме родителей. Первыми учениками были мои братья — девятилетний Арон и восьмнадцатилетний Виланд, и мой кузен Рони: он был старше на четыре года и в детстве лупил меня по чем зря.

Спустя несколько месяцев о братьях Норрис заговорили. Мы стали получать приглашения от разных клубов показать наше искусство — в те годы каратэ было еще совершенно новым для Америки спортом. И я понял, что надо попробовать открыть свою школу. Через два года у меня уже было тридцать учеников, и каждый месяц, дополнительно к жалованью в компании, я получал триста долларов. Наконец подошла моя очередь держать экзамен

на полицейского, но я пропустил его: теперь я хотел целиком посвятить себя тренерской работе.

В 1964 году я ушел из арзива, что было довольно рискованным шагом, и открыл вторую школу, где занимались уже сорок учеников: они платили мне по пятнадцать долларов в месяц. Но мне нужны были еще ученики, чтобы заполнить брешь, образовавшуюся после ухода со службы. Я понимал, что необходима реклама. Вот если бы мне удалось выиграть какой-нибудь турнир, то я мог бы вести в нашей местной газете рубрику, посвященную каратэ!

В 1965 году я выступил в нескольких турнирах и выиграл почти все, в том числе зимний национальный чемпионат в Сан-Хосе. Эта победа вселила в меня надежду, и я заявил себя как участник престижных международных соревнований, которые проводились в августе 1966 года. Я стал победителем в среднем весе. Эта победа окрылила меня, но «великим» я себя недолго чувствовал: титул абсолютного чемпиона надо было добывать в бою с Аленом Стином, огромным парнем из Далласа. Алену я проиграл (впрочем, как и все остальные).

Я понимал, что хотя вначале мне и удалось добиться хороших результатов при помощи коронного удара ногой назад, с поворотом корпуса (уромаваси), то теперь моих противников им не удивишь. Надо было овладеть новыми приемами. В то время каратэки как бы «специализировались» на определенном типе приемов, и совмещения их удавалось немногим.

Некоторые из моих друзей-соперников были тренерами очень высокого класса. Обычно спортсмены не посещают различные школы, так как стили отличаются друг от друга, но я решил познать как можно больше.

Фиммо Демуре, специалист в шито-рю, показал мне, как соединить удары ногой и рукой. Своим приемам научил меня Хидатака Нишияма, мастер школы шотокан. Титаму Ошима довел меня до такого уровня, о котором я никогда и не мечтал, и вселил в меня надежду, что я способен и на большее. Он же научил меня переступать через болевой барьер.

Ян Чанк (преподававший хапкидо) помог усовершенствовать уже известную мне корейскую технику. Он также обучил меня некоторым приемам айкидо. Эл Томас отработал приемы джиуджитсу. Эд Паркер, отец американского кенпо-каратэ, часами обучал меня премудростям своей системы. А Джин Ле Бел, специалист по боксу, дзюдо и каратэ, помог мне свести воедино все, что я узнал.

Эти люди щедро делились со мной своим временем и талантом: большинство причастных и братству боевых искусств, пусть даже и соревнуясь друг с другом, всегда делаются накопленным опытом.

Странно, но многие банальные истины неверны: например, представления

о том, что единственным условием победы является мужество в чистом виде. Да, спортсмену необходима личная отвага, но те, кто делает ставку на характер, а не на умение и опыт, быстро сворачивают сабе шею. Настоящего спортсмена отличает и способность не обращать внимание на боль. Стремление к победе отвлекает внимание от физической боли: обычно я не думал о травме до тех пор, пока боль не заставляла меня покинуть матч; иногда я с травмой даже начинал лучше драться! В полупрофессиональном каратэ существует возможность получить травму, но поединки со смертельным исходом — редкое явление, так как правила соблюдаются неукоснительно.

Я стал довольно известным и получил приглашение от агентства, рекламирующего одеколон «Черный пояс»: они искали каратэку, который «что-нибудь бы разбивал». Появление на экране подняло бы мой престиж, а это привлекло бы в мою школу новых учеников. Да и деньги, которые обещали заплатить, тоже были не лишними. За время съемок этого ролика мне пришлось расширить более трех тысяч черепиц. И ногами, и руками я сокрушил четыре сотни досок — только щепки летели. К концу съемок меня тошнило от этой дробильни, и с той поры я видеть не могу ни черепицы, ни досок.

Школа моя процветала, и я решил не отвлекаться на соревнования. Надо было расширять помещения. По соседству со мной освободился магазин, я снял его. Между магазином и тренировочной площадкой была стена, но не было денег нанять строителей, чтобы снести ее. Решение оказалось не редкостью простым: я заставил учеников отработать технику прыжкового удара. В очень короткие сроки от стены ничего не осталось...

Однако моим планам — не выступать на соревнованиях — не суждено было сбыться: в конце 1968 года мне позвонили из Нью-Йорка и предложили принять участие в борьбе за титул чемпиона мира в среднем весе. Этот титул занимал важное место в табели о рангах, и сначала я о нем даже и не помышлял. Немаловажным стимулом был и приз в тысячу долларов. Но существовал еще один момент, делавший это предложение особенно заманчивым: моим противником должен был быть Луис Дельгадо, необычайно талантливый и разносторонне одаренный спортсмен, почти на десять лет младше меня. Однажды я ему проиграл, и мне хотелось взять у него реванш.

В первые же минуты встречи Луис сломал мне челюсть, но я и не почувствовал боли. Мы продолжали схватку, и я постарался подсечкой, приемом из дзюдо, сбить его с ног. В падении Луис сломал руку, но я не подозревал о тяжести его травмы, потому что Луис продолжал драться до окончания матча. По дороге в госпиталь мы шутили и посмеивались над своими травмами.

Однажды мне позвонила Присцилла Пресли, жена Элвиса: она хотела, чтобы я занимался с ней каратэ. Она упорно тренировалась, и я понял, что настроена она весьма серьезно.

Так, совершенно случайно я стал давать уроки каратэ знаменитостям. В числе учеников был и Дэн Блэкер, добрый, симпатичный гигант, ведущий одного из самых популярных телевизионных шоу. Именно через Дэна и его друзей я и сам стал участвовать в различных телепередачах. Как-то меня пригласили продемонстрировать возможности каратэ, при этом я должен был разыграть участников передачи.

Мы договорились с Дианой (я в течение нескольких лет тренировал и жену), что она будет сидеть среди публики, я сначала покажу несколько приемов, а потом, обратившись к залу, выберу, например, ее и попрошу повторить эти приемы. Она же будет изображать полную невежду, а потом повторит все как надо, но не в полном контакте. И все увидят, что в каратэ нет ничего сложного! Так мы и сделали, но когда я попросил Диану показать, как она будет действовать, если ее попытаются схватить, она неожиданно налетела на меня и провела серию таких мощнейших ударов, что я упал. Диана потом объяснила, что так разнервничалась, что забыла обо всем на свете и работала по-настоящему. Она чуть меня не убила!

Официально я ушел из каратэ в 1974 году, завоевав к тому времени все самые престижные звания. Но мой отход начался раньше, еще в 1970 году, когда я понял, что уровень участников соревнований падает. Соперники начали выражать недовольство судьями, инструкторы пытались влиять на ход матчей. В прошлом, если спортсмен не проявлял должного уважения к татами, его удаляли. Я понимал, что дух товарищества, царившего на соревнованиях, этот дух боевых искусств, разрушается. Но в начале 80-х годов устроители вновь стали следить за тем, чтобы спортсмены проявляли уважение друг к другу. С той поры к соревнованиям возвращается былая слава.

После того как я прекратил участвовать в соревнованиях, мне стало как-то очень тоскливо. Однажды я рассказал об этом актеру Стиву Манкуину, который долго у меня занимался. И он неожиданно предложил: «А почему бы тебе не попробовать сниматься в кино?»

Сначала я не принял его слова всерьез, но все же они запали в душу. Я решил провести маленькое исследование и выяснил, что в то время в Голливуде было около шестнадцати тысяч безработных актеров!

И все-таки я записался в актерский класс Эстель Хармон. Мы занимались по восемь часов в день: постановка голоса, сценическое движение, актерское мастерство и др. По сравнению с другими студентами, у которых уже

был определенный опыт, в тридцати-сороклетний мужчина, самый старший из всех, чувствовал себя ребенком. Как актер я носил белый пояс!

На первом же уроке Эстель попросила меня с одной из учениц разыграть сцену семейной ссоры. Я одеревенел от страха. После занятий Эстель сказала: «Для спортсмена вы невероятно непластичны. Я ничего подобного никогда не видела». А я признался, что еще ни разу в жизни так не трусил!

Долгие годы я приучал себя контролировать эмоции, не показывать противнику ни страха, ни ненависти. Став актером, я должен был продемонстрировать публике все ранее тщательно скрываемые чувства. Я пытался найти сходство между этими двумя занятиями и понял, что сущность любой драматической сцены — конфликт, конфликт же — суть поединка в каратэ.

Мне нравятся сильные характеры, но я всегда отдаю себе отчет в том, что, какую бы роль я ни исполнял, мальчишки видят на экране прежде всего чемпиона Чака Норриса, вне зависимости от того, кого я играю. Поэтому я не могу себе позволить принимать участия в фильмах, которые могли бы нанести ущерб уже сложившемуся образу. Если бы я стал употреблять наркотики на экране, то, увидев это, мальчишки бы подумали: «Если Чак курит наркотики, значит, это нормально». Я не принимаю участия в эротических сценах, так как убежден, что такие сцены вредят подросткам. А вот драки им полезно смотреть! Если уж я модель для подражания, то я должен быть положительным героем, которого дети копируют и с которым пытаются соревноваться. И дети это знают.

Как актер и как бывший тренер я пытаюсь так преподнести каратэ, чтобы мальчишки смогли увидеть разницу между боевым искусством и обыкновенной дракой. И никогда не увлекаюсь боем ради боя. Насилие на экране существовало всегда, и некоторые считают, что истоки антисоциального поведения лежат именно в таких фильмах. Думаю, это ерунда. Насилие, которое мы видим в программах новостей, значительно опаснее, так как это реальность. Все мы порой бываем склонны размазывать кулаками, но должны учиться контролировать свои эмоции, и мои герои используют боевые навыки лишь тогда, когда уже не остается других аргументов, и лишь для того, чтобы победить зло. Главная тема моих фильмов может быть сформулирована так: человек должен сделать все возможное, чтобы оставаться порядочным до конца. И в моих фильмах, как и в старых вестернах, всегда побеждает славный парень.

И вот еще что: я занимаюсь боевыми искусствами уже почти тридцать лет, но так ни разу и не применил свои умения на практике — не пришлось. Но если бы я не тренировался все эти годы, я бы постоянно думал о том, что может произойти, и нервничал бы из-за этого. Если владеешь каним-либо видом борьбы, то проблемы, связанные с применением физической силы, не возникают, потому что внутренне ты готов и из решения. А самодисциплина, возвращенная на татами, и воспитанная в истинном каратэке уважение к людям не позволяют тебе попадать в ситуации, когда от тебя требуется применения твоего боевого искусства.

Перевела с английского Н. ХРОПОВА